

Сюзан как раз пила воду, но, услышав это, поперхнулась и выплеснула всё содержимое:

— Хоть ваши слова и звучат довольно разумно, но почему это подается в такой вызывающей манере!

Цин Гэ приподняла бровь:

— Мои слова всегда звучат по делу... Ну что ж, решено. Ты! — Она протянула руку и, ухватив Сюзан за воротник, притянула обратно девушку, которая, почувствовав недоброе, уже собралась сбежать. — Мисс Спейд, имею ли я честь пригласить вас на бал Оро вместе со мной?

На третий день, едва закончились занятия, Сюзан небрежно сбросила книги и письменные принадлежности на руки вышколенного слуги. Уведя свою личную горничную в отдельную комнату, она принялась за наряды с таким напором, словно собиралась в решающий бой. Бал начинался в восемь вечера, а сейчас было уже четыре. Времени на то, чтобы вернуться в общежитие, а потом добираться обратно, не оставалось, пришлось действовать по обстоятельствам.

Однако, несмотря на спешку, она сохраняла хладнокровие. Большинство аристократок с детства обучались всему: как одеваться и есть, как вести беседы и держаться в обществе, как читать и писать. От манер до внутреннего содержания — всё должно было быть безупречным, чтобы до совершеннолетия найти достойного жениха и раз и навсегда устроить свою судьбу. В конце концов, не у всех девушек имелись такие амбиции и методы, как у Люе Цинлань, не говоря уже о мастерстве и характере Рыцарей Розы из клана Спейд. И напротив, существовали юноши, чье воспитание было в точности таким же, и преследовали они одну цель — выгодный брак.

Сюзан Спейд была типичным воплощением аристократки, но в то же время оставалась редким исключением среди Рыцарей Розы. Клан Спейд обитал на юго-восточном побережье с приятным климатом и разбогател на выращивании роз. Во время основания Империи Османов первый глава клана, благодаря своему виртуозному мастерству владения мечом, отточенному годами, не раз спасал императора от гибели. Многие убийцы либо пали от её клинка, либо бежали ни с чем, за что она и получила прозвище Рыцарь Розы.

Кейтлин Спейд, тот самый первый глава, установила единственную среди пяти великих семей традицию — открытое предпочтение дочерей сыновьям. Люе, по крайней мере, вели себя скромнее. Девушкам клана Спейд никогда не приходилось бояться, что их отдадут замуж как подарок, ведь безопасность семьи зависела от мечей в их руках. С детства они читали не правила хорошего тона или сборники стихов, а тайные трактаты по фехтованию и военному делу. Они были прекрасны, сильны, остры и холодны. А тех, кто оказывался бездарной воительницей, изгоняли из семьи, запрещая навеки носить фамилию Спейд.

Сюзан Спейд с детства получала воспитание настоящей столичной аристократки только потому, что нынешний император, ослепленный чувствами, отдал всю власть в руки императрицы Люе Чанцю. Что бы ни сказала императрица, император беспрекословно подчинялся, не допуская и тени возражений. Сказала императрица усилить армию и повысить Дуи — что ж, повысили Люе Цинлань. Сказала императрица, что её дочери должны расти

нежными цветами, а не воительницами — и император распорядился, чтобы в покоях принцесс больше никогда не видели ни единого клинка.

Она смутно помнила, что у неё была сестра по отцу, с редкими серебристо-белыми волосами и глазами, чистыми, как кристаллы аметиста. Старики шептались за спиной, что именно Аофилия Спейд — законная наследница и настоящая принцесса. Она была чистокровной Спейд, а её мать — бывшая Шао цзюньхоу, знатная и гордая дама. Когда император изъясил всё оружие у своих дочерей ради воспитания леди, семилетняя Аофилия в тот же вечер ударила кулаком по столу. Той же ночью, вооружившись кинжалом, она ворвалась в зал для поминальных служб и с яростью обвинила императрицу в коварных замыслах по ослаблению клана Спейд. Её слова, пропитанные болью и кровью, были полны негодования. С тех пор шестилетняя Сюзан потеряла всякую связь со старшей сестрой. Аофилия исчезла, а Сюзан росла единственной принцессой, окруженной всеобщим вниманием. Роскошные одежды, изысканные яства — упрямая кровь Спейдов, не знающая страха, постепенно угасала в этой неге.

Лишь в тот миг, когда она поступила в академию, маг Голин, глядя, как из верхушки её изящного орехового посоха пробиваются тонкие побеги, тяжело вздохнул. В его глазах читалась невыразимая печаль:

— Знаменитое на весь мир искусство фехтования клана Спейд... Неужели я, старик, одной ногой стоящий в могиле, так и не увижу его?

Только тогда она смутно вспомнила, что должна быть воительницей Спейд, что у неё должен быть фамильный меч, с которым не расстанется до самой смерти, что она должна владеть искусством фехтования, описанным во многих легендах... Должна... Но разве упомнишь всё? Она успела лишь на миг задуматься об этом, как тут же отбросила мысли прочь. Маг куда благороднее мечника, разве путь, выбранный матушкой, может быть ошибочным?

А теперь, приняв приглашение Цин Гэ, Сюзан и вовсе забыла о своих мимолетных сожалениях. Если бы она продолжала тренировки мечника, такие грубые и тяжелые, разве выпала бы ей честь оказаться здесь? Возможно, она была бы изгоем, как та служанка Хуа Сэ!

Заплетая длинные каштановые волосы, она торопила служанку выбирать лучшие украшения. На платье из парчи старинного покроя вышиты крупные пионы, швы на мантии из тончайшей тафты были незаметны, узоры искусно вытканы нитями из мифрила. На пышной юбке из шифона красовались свежие цветы, а капли из хрусталя имитировали утреннюю росу. Подол облегающего платья из фиолетового шелка был приподнят, чтобы подчеркнуть стройные белые ноги. Перерыв все шкатулки с драгоценностями, она наконец выбрала длинное жемчужное ожерелье, которое изящно легло на грудь, гармонируя с подобранным лунно-белым платьем фасона рыбка, отчего её синие глаза засияли ещё ярче.

Вот так-то лучше. Она немного полюбовалась собой: зачем быть мечником, скитаясь под дождем и ветром? Лучше быть беззаботной принцессой — красиво и легко. Почему сестра Аофилия так противилась этому?

Когда она в карете высокомерно приказывала служанке еще раз отполировать жемчуг на туфлях, наконец появилась главная героиня вечера. Цин Гэ молча открыла дверцу кареты и сделала жест отправляться. Кучер, вышколенный как следует, взмахнул кнутом. Она выбрала черную мантию, почти не подчеркивающую фигуру, на которой нитями из перьев зимородка были вышиты очертания гор и рек. Лишь широкий нефритовый пояс на талии выделял её стройный стан. Наряд выглядел слишком солидно для девушки её возраста, даже немного старил, но — Сюзан с досадой скрипнула зубами — Цин Гэ умела носить такие вещи с таким изяществом и достоинством, что даже нефритовая заколка в её волосах казалась невероятно уместной.

Сюзан с интересом осматривалась вокруг, как вдруг заметила, что с того угла, где они сидели друг напротив друга, под мантией Цин Гэ виднеется какой-то предмет. Сюзан, поняв, что это, покрылась холодным потом:

— Шао цзюньхоу... это что?

Цин Гэ приложила указательный палец к губам и слегка улыбнулась:

— Сон на мече — это ещё мягко сказано, Сюзан. — В её слегка прищуренных зеленых глазах вспыхнул острый свет. — Ты ведь носишь фамилию Спейд, неужели у тебя нет меча? — Она вытянула из-под мантии короткий кинжал с изумрудом и слегка обнажила лезвие, которое ослепительно сверкнуло.

Сюзан закусила губу и с трудом выговорила:

— ...У меня нет.

Только сейчас она осознала, что даже у этой Шао цзюньхоу из клана Цин в жилах течет горячая кровь. Ей не нужно было напоминаний: перед балом она привязала к ноге кинжал на случай опасности. Под маской изнеженности скрывался твердый стержень, а в мягких зеленых глазах читалась жажда битвы.

— В суеете столичной жизни, в мире интриг и наживы, все живут, готовые к бою, и только она одна продолжает предаваться иллюзиям... Как же одиноко.

— Не бойся, — словно читая мысли, улыбнулась прекрасная Шао цзюньхоу. Её тонкие пальцы коснулись каштановых волос Сюзан, и она тихо добавила: — Я защищу тебя.

Они вышли из кареты перед величественными мраморными воротами. Светло-фиолетовое приглашение само взлетело в воздух и опустилось в руки слуги во фраке. У входа они столкнулись с Люе Хунъином, только что прибывшим на бал. В кристально-синих глазах юноши читались сложные, непонятные чувства.

— Шао цзюньхоу, — внезапно окликнул он Цин Гэ и после паузы добавил: — Платье очень красивое.

Цин Гэ улыбнулась:

— Спасибо.

Когда они проходили мимо, Сюзан невольно оглянулась на Люе Хунъина — черные волосы, перехваченные темно-синей лентой, изысканный темно-серый костюм, подчеркивающий стройную талию, делали его еще более статным и привлекательным. Как этот гордый юноша мог быть... таким красивым?

Это была чистокровная кровь Леса Люе, еще более ослепительная и завораживающая, чем у Цин Гэ, в чьих жилах текла лишь половина этой крови. Казалось, эта магическая, невероятная красота способна затмить все его таланты и достижения, став его главной чертой, по которой его запомнят все!

— Неудивительно, что Люе столько лет удерживают власть в империи, даже не имея при дворе влиятельных сановников! Кто сможет устоять перед такой внешностью?

— Шао цзюньхоу, вы знакомы?

— Возможно, — Цин Гэ приподняла бровь, проходя по роскошному коридору. — А что такое?

— ...Ничего.

Цин Гэ с усмешкой посмотрела на девушку, которая занервничала, боясь сказать лишнее:

— Я настолько страшная? — Он не Шао цзюньхоу клана Люе.

Следующая фраза так и застряла у неё в горле: тебе не нужно пытаться с ним сблизиться, вы люди с разных дорог.

У Цин Гэ было предчувствие, что рано или поздно их пути с Сюзан разойдутся. Как может Рыцарь Розы, чья единственная цель — найти хорошего мужа, понять амбиции будущего негласного правителя столицы? Им суждено идти разными дорогами. Пока что единственная, кто сохранял ясность ума, Шао цзюньхоу клана Цин, хранила молчание.

Защитить тебя — это правда, но и расстаться в будущем — тоже правда, думала Цин Гэ. Она никогда не лгала, с самого детства поступала честно и не произносила слов против совести. Но до тех пор, пока они не разошлись, она действительно будет защищать Сюзан как верного друга, как родственную душу и как равную себе аристократку, потому что они нужны друг другу — хотя, похоже, кое-кто этого еще не понял.

— Позвольте спросить, сиятельная Шао цзюньхоу клана Цин, имею ли я честь пригласить вас на танец? — Кайсар, хозяин вечера, подошел к Цин Гэ на третьем танце и протянул руку в изысканной перчатке с тисненым узором, от которой исходило холодное сияние.

— О, нет, — Цин Гэ, не торопясь дожидая угощение, ответила: — Я не хочу танцевать.

Даже такой ловкий и расчетливый для своих лет Кайсар на мгновение опешил, а затем горько усмехнулся:

— Даже если я вам не по душе... не стоит так честно отказывать, сохраните лицо, а?

— Боюсь, я не могу, — Цин Гэ отставила хрустальный бокал и искренне добавила: — Меня с детства учили принципу: слово должно быть делом, а сказанное — истиной. И у меня в сердце есть весы... — Она приложила правую руку к груди и слегка поклонилась с безграничным изяществом и свободой: — То, на чем я настаиваю — это абсолютная справедливость.

Кайсар замер, пристально взглянув на Камень Лунного Причала на её правом запястье. Тот слабо мерцал голубым светом.

Камень Лунного Причала обладал магией — редкой и дорогой, его единственным свойством была проверка правдивости слов собеседника. Такую бесполезную и баснословно дорогую вещь мог позволить себе носить только Золотой Лорд Оро. Голубое свечение означало правду, красное — ложь. Выходило, что...

Кайсар рассмеялся, но руку не опустил:

— Тогда, Цин Гэ, как друг, окажите любезность, потанцуйте со мной.

Цин Гэ вздохнула и поднялась:

— Хорошо, я почти никогда не отказываю друзьям в разумных просьбах.

— Значит, Шао цзюньхоу Цин Гэ действительно с самого детства следует принципу правдивости во всем, что делает? — Кайсар вел её в танце, внутренне содрогаясь. Если такой человек существует, чьи поступки всегда безупречны, а слова — истина... Как же тяжело ей, должно быть, жить?

— Слышал, вы записались на Турнир славы алхимиков, — мягким, светским тоном произнес златовласый юноша. — Кайсар желает вам успеха... не слишком ли это внезапно?

— Честно говоря, я ни капельки не нервничаю, — Цин Гэ вздохнула и, не заботясь о душевном состоянии Кайсара, бросила бомбу: — Не вздумай ставить на меня, я записалась ради Хуа Сэ.

И тогда Оро Шао цзюньхоу, всегда отличавшийся утонченными манерами и мастерством танца, на глазах у всех неуклюже наступил Цин Гэ на ногу.

— Простите, мне показалось, я ослышался... — слабо проговорил Кайсар. — К тому же, такие личные вещи вам не стоило мне рассказывать...

Цин Гэ пожала плечами, сделала красивый поворот, и подол платья описал изящную дугу:

— Ничего не поделаешь, кто просил спрашивать?

Люе Хунъин, обнимая наряженную Сюзан, прокружился мимо и вежливо произнес:

— Оро Шао цзюньхоу, не пора ли сменить партнеров?

Кайсар не ответил прямо:

— Это зависит от желания самой леди, я не могу решать за неё.

Цин Гэ подняла голову, её зеленые глаза ярко сияли:

— Я разрешаю.

Они обменялись партнерами. Руку Цин Гэ сжала пара длинных и сильных пальцев. Хватка была легкой, но исполненной решимости. Люе Хунъин смотрел вперед, принципиально не глядя на неё, и когда уже собирался молча кружиться в танце, Цин Гэ заговорила:

— Хунъин, если бы я тебя не узнала, ты бы так и продолжал дуться?

Люе Хунъин слегка опустил голову, в его кристально-синих глазах отражались сложные чувства:

— Неужели мы должны весело вспоминать детские мечты?

Цин Гэ приподняла бровь:

— О, ты ведь тоже не сказал мне свое настоящее имя — Хунъин. Мы квиты.

— Но ты обманула меня больше.

— Я действительно никогда не вру, — Цин Гэ вздохнула. — Дома меня зовут Цинцин, так что, если посчитать, я еще и в убытке.

Люе Хунъин стиснул зубы, думая: я должен был знать, что этот человек — хитрый маленький лжец, бесстыдник, умеющий находить лазейки. Когда танец закончился, они поклонились, и, не дожидаясь реакции партнера, Цин Гэ вернулась в зону отдыха. Она прислонилась к бархатному дивану и со скукой слушала шепот, доносившийся из-за ширмы.

Прошли часы. Небо за окном стало черным, как чернила, звезды мерцали, бал был в самом разгаре. Цин Гэ взглянула на Кайсара — он был окружен толпой юных дев и не мог выбраться. Она усмехнулась и вышла на террасу. Коснувшись ночной росы, она начертила в воздухе сложный символ, и её фигура, и без того нечеткая из-за черной мантии, растворилась в ночи.

— Я должен был догадаться, что это ты, — Люе Хунъин стоял на балконе, скрестив руки на груди, его голос был полон сложных эмоций. — В огромном клане Цин только та самая Шао цзюньхоу, о которой ходят слухи, что её пестовали в шелках, могла в десять лет создать массив Жэньжань Чанцю.

— О, значит, ты тогда тоже думал, что я изнеженная пустышка? — Цин Гэ была бесстрашна. — Ладно, пусть будет так, как ты сказал.

Хунъин: — Словно ты не такая... Стоп! Не пустышка! Успокойся!

Цин Гэ всегда терпеть не могла сравнений с изнеженными девицами, которые ничего не могут сделать и только жалуются. Услышав это, она пришла в ярость:

— Тогда, может, продолжим поединок пятилетней давности, Цзинхун? — В её руке начал собираться огонь, ярко-алый цвет пульсировал, температура была под полным контролем, но такой высокой, что воздух начал искажаться.

— Нет, пожалуй, хватит, — Хунъин сделал шаг назад. — Почему ты такая вспыльчивая? Это нехорошо.

— Я хочу уйти пораньше, — поглядев на него и поняв, что он просто ляпнул глупость, а не провоцировал, Цин Гэ со скукой опустила руку. — Хочу вернуться и проверить, спит ли Хуа Сэ. Недосып вреден для здоровья девушек.

Люе Хунъин усмехнулся:

— Ты так заботишься о простой служанке, не знал, что Шао цзюньхоу Цин Гэ такая сентиментальная.

Цин Гэ парировала:

— Потому что она искренне добра ко мне. Люе, о Люе, положи руку на сердце, на свою недоразвитую, худую грудь, подними голову и посмотри мне в глаза, — она шагнула вперед, её взгляд был ясен и остер, как клинок под лунным светом. — Ты, такой мелочный, не терпящий никого выше себя, неужели ты забыл о поражении и насмешках пятилетней давности и пришел ко мне дружить?

— Не обманывай себя. Ты на такое не способен!

Люе Хунъин на мгновение лишился дара речи.

Цин Гэ продолжала наступать:

— Говори, зачем ты пришел в Императорскую академию?

Люе Хунъин отвел взгляд, его глаза покраснели от унижения:

— Шао цзюньхоу...

— М?

— Шао цзюньхоу! — Люе Хунъин тяжело опустился перед ней на колени, его голос был хриплым от отчаяния: — Если вы не примете меня под свое начало, то в будущем встретите меня только в покоях императрицы!

Мир перевернулся. Цин Гэ чувствовала, как всё вокруг рушится и перестраивается. Опираясь на перила, она выдавила из себя:

— Люе Чанцю... у неё хватает совести заглядываться на молодых?

Она протянула руку к Хунъину и вздохнула:

— Чем я могу тебе помочь?

Юноша с красотой, граничащей с демонической, поднял голову, в его кристально-синих глазах блестели слезы:

— Шао цзюньхоу, вам все еще нужен личный слуга?

Цин Гэ опустила протянутую руку. Она долго смотрела на Хунъина новым взглядом, а затем тихо сказала:

— Тот Цзинхун, что пять лет назад бился со мной на равных...

— Оказывается, он уже умер.

Цин Гэ оставила кучера Сюзан, которая еще не хотела уходить с бала, и, оседлав лошадь из конюшни Оро, помчалась прочь.

<http://bllate.org/book/19150/1880626>